

Город и люди

КАК ЖИВЕТ НИКОЛАЕВ БЕЗ ВОДЫ, НО С ВЕРОЙ В ПОБЕДУ

Николаев, будучи прифронтовым городом, напоминает монолитную сталь, выплавленную по форме кварталов, проспектов и парков. И россияне лютят об эту сталь свои копья. После освобождения Херсона в Николаеве, который стоит между ним и лакомой для оккупантов Одессы, стало гораздо спокойнее, о чем говорят и сами местные. Можно не бояться РСЗО, но хорошо известные николаевцам С-300 все еще могут сюда достать. Кроме того, вопрос воды, спустя более чем полгода после подрыва водопровода, продолжает быть как никогда актуальным. Как живут николаевцы, что происходит на водогонах на границе области, как коммунальные службы решают вопрос с водой и как выглядит стойкий Николаев – в репортаже «РБК-Украина».

Обыденный геройизм

У Николаева много эпитетов. Его называли «городом кораблей» в советские времена, бандитским в девяностые, даже «абортованным» Санкт-Петербургом из-за скользкого плана градостроения. Сегодня он – форпост юга, главная крепость у Черного моря.

Город обстреливали с первых дней российского вторжения. Россияне пускали в ход все, чем могли достать – реактивными системами заплывного огня были по жилым кварталам и остановкам. Ракеты летали в университеты и школы. Иранские «момеды» попадали по домам.

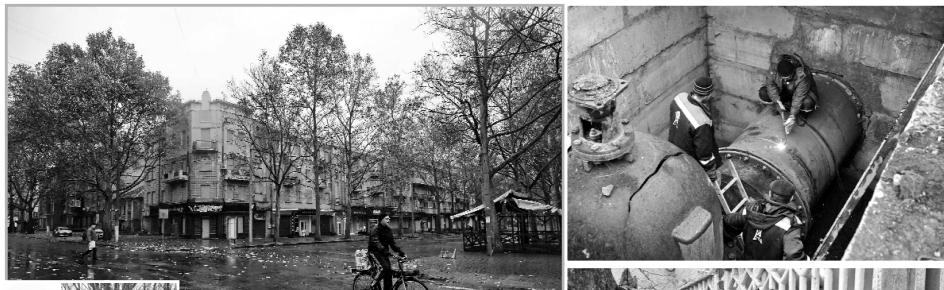
Мы заезжаем в область, подъезжаем к блокпосту, привычно выключаем фары и открываем окно. Военный проверяет документы, потом отходит на пару шагов и смотрит на нашу машину – двухместный «смарт». Мужчина, не скрывая улыбки, кивает на авто и спрашивает:

– И сколько она ест бензина?

Мы улыбаемся. Николаевская область встречает радушно, словно старый приятель. Местные такие же суровые, как и любопытные – если интересно, они обязательно спросят: Мы едем дальше, немного пустемся в дороге, нас вырут все те же военные на блокпостах. Около 8 вечера въезжаем в город и окунаемся в полную, непроглядную тьму.

Вечером Николаев освещают разве что фары машин и фонари радистов проходящих. За час до комендантского, когда в городе наступает в 22:00, улицы окончательно пустеют и чиркают, напоминавшие старую детскую страшилку «В одном черном-пречерном городе». Свет не горит даже в окнах – горожане завешивают их для светомаскировки и сохранения стекол от взрывных волн. В любом жилом дворе ты оказываешься в абсолютной тьме.

Утром вместе с сотрудниками местного водоканала едем на водовод. Во время оккупации Херсонской области и ча-

второй локации их гораздо меньше.

– Это были умышленные подрывы. Это не просто попадание снаряда, это умышленно было сделано. В одной из камер мы даже нашли ящик триотпа, который не взорвался, – рассказывает собеседник.

Поднимаемся к трубе – она вывернута наизнанку. Взрыв был такой мощный, что треснула задвижка, которая находилась в паре метров. Дуденко на вопрос о том, когда воду запустят в город, машет головой. Прогнозы давать тяжело. Начинается дождь. К точке подвозят обрезанный цилиндр трубы. На площадку грузовика заскакивает стропальщик, цепляет на трубу крюки, спрыгивает. Цилиндр пролетает над нашими головами и приземляется рядом с местом, где его позже привяжут.

Ходить можно только по тонким протянутым дорожкам, которые размываются в дожде. Мы смотрим на холм, где быстро перемещаются коммунальщики. По ним видно – они однажды пришли, здесь прошли по селу – вдоль его улиц не осталось ни одного уцелевшего дома. А здесь, где вдруг по линии горизонта вырастает сожженная бронетехника, они, наверное, побоялись.

Коммунальщикам раздают обеды, они живо спускаются с холма, ловко лавируя между фланжами. Хочется закрыть глаза, смотря на них. На второй точке нас встречают директор «Николаевводоканала» Борис Дуденко. Он приветливый, сразу ведет к месту, где подворачиваются трубы. Здесь тоже есть мины – в прифронтовых зонах надо прыгнуть к мысли, что гипотетически мины есть везде. Но на

жити себе спокойно. В Украине. А они пришли.

Стоящие рядом женщины кивают, а одна, выпрямившись, смотрит на нас и тихо добавляет: «Их перекилем».

Пока едем по городу, общаемся с местной жительницей Ириной, которая согласилась нам вести.

– Возле водоканала вода из-под земли текет, это у вас первым разрывом рядом с предпрятием?

– Ой, они везде! У нас тут шутят, говорят: «Деньги текут по улицам». И смешно, и грустно.

Мы едем на границу Николаевской и Херсонской областей. Для ремонта труб работникам нужно выезжать на недавно освободившиеся территории. Пока что там находятся только рабочие из рабочих, рабочие, которых забрасывают на плечи и несут домой добрую воду.

– Сонишко, мы ведь не хотели войны, – говорит женщина, укладывая баклажаны в сумку на колесиках, – Мы хотели Ремонт взорванного российским водоводом «Дніпро-Нико-

лаев» произошел сразу в нескольких местах. Путь туда пролегает грутыми дорогами вдоль заросших бурьяном полей. Оккупанты ушли, но здесь все еще опасно, все useяно минами и боеприпасами. Санеры успели расчистить только те деревни, которые ведут к местам для работы коммунальщиков. Чем дальше вглубь степей, тем отчетливее следы российян. Ракеты, воткнутые в землю, островки выжженой травы. Здесь, где виден холмик и мусор вокруг, они окапывались, здесь прошли по селу – вдоль его улиц не осталось ни одного уцелевшего дома. А здесь, где вдруг по линии горизонта вырастает сожженная бронетехника, они, наверное, побоялись.

На первой «точке», возле Херсонской области, мы останавливаемся на выходе из машины. «Только до дорожки! – кричит нам один из работников, – здесь все в минах». Мы осматриваемся и видим, что угадывается раскрасок оккупантов, блиндаж, вырытый прямо в холме, куча мусора. Разбитые бутылки из-под

спиртного, банки от энергетиков, пакеты.

– Здесь были бутылки – нам объясняют. – Перед уходом они ту все заминировали.

Основная работа происходит на холмах – там уже варят новую часть трубы. Все, что вокруг, useяно фланжами, сальниками. Здесь засыпаны снаряды, часть хвоста одного из них мы видим прямо у себя ногами. Нам говорят, что накануне тут взорвалась грузовик с рабочим водоканала, – мужчина, к счастью, выжил.

Ходить можно только по тонким протянутым дорожкам, которые размываются в дожде. Мы смотрим на холм, где быстро перемещаются коммунальщики. По ним видно – они однажды пришли, здесь прошли по селу – вдоль его улиц не осталось ни одного уцелевшего дома. А здесь, где вдруг по линии горизонта вырастает сожженная бронетехника, они, наверное, побоялись.

Коммунальщикам раздают обеды, они живо спускаются с холма, ловко лавируя между фланжами. Хочется закрыть глаза, смотря на них.

На второй точке нас встречают директор «Николаевводоканала» Борис Дуденко. Он приветливый, сразу ведет к месту, где подворачиваются трубы. Здесь тоже есть мины – в прифронтовых зонах надо прыгнуть к мысли, что гипотетически мины есть везде. Но на

этот раз везде! У нас тут шутят. Здесь все в минах.

– Не боится только больной человека. Но делать надо.

Нас зовут пообедать с работниками, мы отказываемся – горячий суп им сейчас более необходи.

Пока едем в город, невозможно думать о том, насколько обездынной для этого места стала война. Прошло всего 9 месяцев с начала вторжения. В историческом разрезе это ничто, а люди пришли. Коммунальные службы

в мирное время заключали договоры с Евробанком, получали кредиты на замену всего водопровода. Выбирали трубы с самыми современным покрытием, гарантии, улицы, где

сталики, жилье, школы, больницы. Они выходят, фотографируются.

Здесь на подоконнике, который цветут цветы, виши, на битых кирпичах, оконных рамках, тряпичках стоит целая советская

тумба под телевизор. Она настолько домашняя, что выглядит на улице странно и неуместно.

– Я когда слышу взрывы, мне неважно, где они, мне надо сразу домой к своему ребенку, – говорит Ирина, смотря на дом.

В этом здании, когда в него попала ракета, погиб маленький 11-летний ребенок вытащили из-под завалов еще живым, родители облегченно расплакались, проводили его до скорой, уехали с ним. Весь город собрал ему деньги, а вечером выяснилось, что он умер. Так россияне мстили за то, что не могут проникнуть в Николаев.

Мы благодарим Ирину, прощающуюся и идем дальше. У обстрелянного артиллерийской зданнен стоят воинчики. Он курит и пьет кофе в картонном стаканчике.

– Можно вас fotografировать? Мы из новостного издания, – говорит Ирина.

Военный скептически улыбается, собирает сигарету. Мы делаем пару снимков и благодарим мужчину.

– Может быть вас фотографируют? Мы из новостного издания, – говорит Ирина.

Центр города – это здания, защищенные в фанере, стоящие вдоль длинной пешеходной улицы, метки от снарядов на асфальте, напоминающие по силуэту сопки. Поначалу кажется, что в Николаеве тихо. Жизнь если не остановилась, то сделала паузу. Но потом на улицах зажигаются кефирчи, люди идут в парки, сидят на скамейках у недавно зарытых воронок, проходят цветы, фотогорифруются. В этом городе активно пульсирует жизнь, просто в непривычном для мирных ритме.

После деоккупации Херсона в Николаев возвращаются люди, заново обживаются в знакомых и не очень районах. А те, кто и не уехал, обзывают свой выбор иррациональным и просто одновременно – им тут легче. Об этом же нам говорил и Борис Дуденко.

– Я поймал себя на мысли, что мне спокойнее в Николаеве. Да, здесь было громко. Там, где я живу, одна ракета взорвалась в 50, вторая в 500 метрах от дома. Но у меня ощущение, что у меня это под контролем. Я вижу взрывы.

Световой день подходит к концу, желто-бордовый от падающего листья улицы медленно сереет. Для николаевцев прошли еще одни сутки, когда они не видят и не слышат взрывы.

Стальной город остается таким же гордым и выпрямленным, как и каждый, который тут видим. Здесь уже победил жизнью – осталось победить врага.

Юлия Акимова, Виталий Носач, «РБК-Украина».

Добра справа – РЯТУВАЛЬНИКАМ – НОВУ ПОЖЕЖНУ МАШИНУ

Нагадаємо, що раніше «ротарії» також передавали рятувальникам Ми-

колаївщини автомобіль для розміщення для пріоретів, автосистеми, пожежній драбині та дизель-генератор.

За словами нареченого Володимира, вони з Євгенієм служать в бригаді на одній річ, але по-справжньому зможли «розгребти» одиного тільки після того, як почали служити в одному підрозділі.

«Ми переконалися, що наші почуття пройшли достатньо після перевірки часом та війною, відповідно, нікій ворог вже не зможе на них вплинути. Виршили не чекати закінчення бойових дій, а оформити наші спуски зараз», – розповіли молоді.

Культура

«І САДИ ЦВІТУТЬ ДЛЯ МЕНЕ»

Миколаївська обласна філармонія (директор Олександр Доброльський) презентувала незвичайний концерт «І сади цвітуть для мене», присвячений пам'яті естрадного співака, народного артиста УРСР Назарія Яремчука. На халь, легендарний виконавець прохідні лише 43роки.

Життя Яремчука було коротким, але славнім і победи. Його вважають першим мегаіконою України! До речі, у сірні 2021 року співаку було присвоєно звання Героя України (посмертно).

На сцені Миколаївського академічного художнього

драматичного театру зували пісні Назарія Назаровича: «Кохана», «Весна», «Смерекова хата», «Стокари», «Я піду в далекі гори», «Вішнівка», «Два перстені» та інші – хокани народом та невідильні від його імені. Українські пісні шедеври дужевно виконали найкращі солісти філармонії: заслужений артист України Олександр Сичков, Ірина Лозова, Ольга Сторожук, Тетяна Уранова та Геннадій Шульгін.

Цікаві факти з життя Яремчука розповіли ведучі Юлія Батталова та Сергій Голополов.

Ігор Єрмолаєв. Фото автора.

